Закат гуманизма

Чем заканчиваются попытки построить рай на Земле

Юрий Пущаев

Гуманизм — не какое-то абстрактное мировоззрение, о котором могут спорить лишь философы и историки культуры. Его влияние пропитывает всю нашу жизнь, всю современную цивилизацию. Научно-технический прогресс и окружающие нас новинки техники, современная политическая система и идеология прав человека, классическое искусство и культура — все это, полностью или частично, плоды гуманизма. Красивые плоды, которые слишком часто оказываются внутри горькими, а то и ядовитыми. Не раз в истории грядущее царство гуманности и земного счастья вдруг оборачивалось оргией для немногих, сопровождавшейся страданиями и гибелью миллионов.

Важный тезис:

Гуманизм — зыбкое и обманчивое учение, его роль в истории очень неоднозначна.

Гуманизм (от латинского humanus — человеческий, человечный) — очень привлекательное на первый взгляд мировоззрение. Он требует любви и уважения к человеку, признания достоинства и свободы каждого из людей независимо от того, какое положение в обществе тот занимает. Разве это не замечательно? Прямая и открытая критика гуманизма чаще всего воспринимается как нечто ретроградное и мракобесное, прямо-таки замогильный голос из средневекового подземелья.

Тем не менее с христианской точки зрения к гуманизму, его истории и идейной эволюции можно выдвинуть много обоснованных претензий. Дело в том, что в нем есть и какое-то иное содержание, помимо прямо им декларируемого. Это его «двойное ➥

Падение Вавилонской башни. Корнелис Антонис. 1547

дно», благодаря чему его роль в истории оказывается зыбкой, обманчивой и лукавой. На самом деле он словно Луна, светящая отраженным светом, и горе тому, кто примет это свечение за самостоятельный источник света и будет лишь на него делать ставку, не зная, откуда приходит истинный свет. Ведь стоит исчезнуть источнику света, как рано или поздно исчезнут и его отблески. Как сказал католический философ XX века Дитрих фон Гильдебранд, «достаточно разрушить все то, что в нашем подлунном мире имеет отношение к вечности, чтобы вместе с этим уничтожились всякая глубина и все действительное содержание мира сего».

Важный тезис:

Идейное и культурное развитие гуманизма привело к тому, что сегодня провозглашена «смерть человека».

В последнее время мы часто слышим, что человек уже... умер. Его уже нет. И это, как ни странно, тоже следствие гуманизма, его идейной и культурной эволюции. Классические гуманистические идеалы рухнули, и прежнее превознесение человека вдруг обернулось его отрицанием и исчезновением.

В современной философии сегодня много говорится о «смерти человека», которая, что неслучайно, быстро последовала за объявленной Ницше «смертью Бога». Многие сегодня с постмодернистским увлечением деконструируют (разбирают на части, так что смысл целого уже теряется. Так можно разобрать часы на кучу винтиков и деталей, но вновь собрать эту кучу во что-то работающее уже не выйдет) любые ценностные и мировоззренческие ориентиры и цели, любые смыслы.

Некоторыми философами и идеологами *трансгуманизма* (одного из модных сегодня течений — наследников гуманизма) даже провозглашается появление постчеловека (posthuman), который откажется от привычного человеческого облика в результате внедрения передовых био-, информационных и медицинских технологий. На месте человека, как мы его знаем, якобы появится сверхчеловек-киборг, избавленный не только от многих болезней и страданий, но даже от старения и смерти. В тело и мозг внедрят искусственные имплантаты и чипы. У него будет улучшенная генетика, и, главное, будет одержана победа над смертью. Важнейшая цель научных изысканий в этой сфере — «перенос психики на небиологический носитель» и достижение так называемого «кибернетического бессмертия.

Пусть какому-нибудь любителю фантастики или современному философу-позитивисту (иногда

В последнее время мы часто слышим, что человек уже... умер. Его уже нет. И это, как ни странно, тоже следствие гуманизма, его идейной и культурной эволюции.

это, впрочем, один и тот же человек) все эти планы и намерения могут показаться страшно интересными и захватывающими, но вообще от таких сюжетов веет жутью расчеловечивания. Человек легко может потерять свою социальную и половую определенность и ориентацию, свои духовные ориентиры *еще до всякой реализации этих жутких проектов* — всего лишь в процессе размышлений и строительства планов по их осуществлению.

Очевидна и их антихристианская направленность. Например, чего стоит одна идея кибернетического бессмертия — когда человека намеревают-ся лишить его тела и отправить вечно существовать в виртуальную среду (что полностью противоречит догмату воскресения).

Однако трансгуманизм и его планы по изменению человеческой природы, ее телесности — это только один из сюжетов, имеющих отношение к антигуманным метаморфозам гуманизма. Свои, и при этом очень трагические, приключения у гуманизма как мировоззрения были в XX веке в истории нашей страны. Ведь гуманизм как лозунг и установка был важной частью той радикальной революционной идеологии, которая господствовала в России на протяжении 70 лет.

Важный тезис:

Революционный гуманизм так страстно и безрассудно мечтал о «новом человеке», что легко переступал через нормы простой человечности.

Помните ироническое двустишие из популярного советского фильма «Покровские ворота»?

За гуманизм и дело мира
Бесстрашно борется сатира!

Гуманизм как мировоззрение вроде бы требует вот именно что человечного, бережного и понимающего отношения к миру, обществу и людям. Почему же в истории под знаменами «человекизма» так часто творились совсем негуманные, античеловечные вещи? Почему порой за него боролись столь ожесточенно, что гуманизм превращался в свою противоположность, как это и было в истории России в XX веке? Как шутили «на кухнях» в позднее советское время, «конечно, войны не будет, партия этого не допустит. Но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется!»

Конечно, все это характерно не только для нашей страны. В ответе за это радикальная революционная идеология, которая дала свои ядовитые всходы везде, где люди поддались ее соблазнам. Хрестоматийный на уровне афоризма пример «борьбы за мир», грозящей не оставить от мира камня на камне, — слова из петиции одной из фракций Парижской Коммуны в 1871 году Национальному Конвенту (французскому парламенту): «Из жалости, из любви к человечеству, будьте бесчеловечны!»

Правда, и сами революционеры-гуманисты, особенно самые нравственно чуткие из них, все же чувствовали, как теперь принято говорить, когнитивный диссонанс. Так, талантливый советский философ и убежденный марксист-ленинец Эвальд Ильенков в своих набросках в рукописи о Достоевском писал, что «конечно же, это нелегкое дело вспоминать о высших принципах гуманизма в момент штыковой атаки». Поэтому, говорил этот философ, Достоевский будет жив до тех пор, «пока социализм будет связан с насилием, с кровью, со страданием».

Увы, эта связь оказалась слишком прочной, неразрывной. Тем не менее некоторые философы и поэты русской революции тоже были способны почувствовать и красоту «старого мира», естественность простых нравственных чувств и понятий. Парадоксально, но с некоторыми из них это происходило порой как раз в паузах между штыковыми или сабельными атаками. Вот что, например, комсомольский поэт Джек Алтаузен писал в «Балладе о Ветлуге» (1929 год).

Вчера был бой, от сабель было серо.
Кривой комбриг
Махнул нам рукавом.
Я зарубил
В канаве офицера
И у него
В кармане боковом
Нашёл я книжку
В жёлтом переплёте,
Её писал
Какой-то Карамзин.
Две ласточки
Сидят на пулемёте,
И на кустах
Лежит мой карабин.
Журбенко! Брось
Напрасно ложкой звякать.
Цветёт крыжовник,
Зреет бузина.
Давай читать,
Давай читать и плакать
Над этой книжкою
Карамзина.
Друзья мои,
Мы завтра в бой поскачем,
Отточен штык,
В нагане цел заряд.
А вот сейчас
Над девушкой мы плачем,
Обманутой
Сто лет тому назад.

Герой стихотворения нашел в кармане зарубленного им белого офицера повесть Карамзина «Бедная Лиза», стал ее читать — и вдруг заплакал над обманутой сто лет назад девушкой... Кстати, автор этих строк Джек Алтаузен — тот самый поэт, который в комсомольском раже написал геростратовские строки про Минина и Пожарского: «Подумаешь, они спасли Расею! // А может, было лучше не спасать». И который потом, во время Великой Отечественной войны, погиб за ту самую «Расею» на фронте под Харьковом в 1942 году. Такие вот парадоксы истории...

Однако все равно революционный гуманизм так страстно и безрассудно мечтал о «новом человеке», что легко переступал через нормы простой человечности, то есть гуманизм традиционный. В определенные периоды существования советского госу- ➥

Строительство Вавилонской башни. Давид Тенирс Младший. Около 1656-1660

дарства, особенно в 20-е и 30-е годы XX века, официальная политика предполагала и даже *требовала* от людей прямого и сознательного отступления от всех десяти Моисеевых заповедей. Если посмотреть внимательно, ни одна заповедь тут не будет исключением. Например, революция и гражданская война означают нарушение заповеди «не убий», свободные постреволюционные нравы — нарушение заповеди «не прелюбодействуй». «Экспроприация экспроприаторов» — нарушение заповеди *не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего* (Исх **20**:17) и так далее. Про первые четыре заповеди о должном отношении к Богу и говорить не стоит.

Впрочем, скажут: что вы все о революционерах да революционерах? Они как раз и погрешили против истинного гуманизма! Настоящий — это гуманизм либеральный, проникнутый подлинным человеколюбием и уважением к правам личности. Он помнит, что никогда цель не оправдывает средства, и никогда не опустится до насилия над человеком, никогда не нарушит свободы и священных границ личности.

Между тем и гуманизм революционный, и гуманизм либеральный — это два течения одного исторического движения. И их, в свою очередь, не слишком гуманное соперничество за умы и сердца — это словно драка между правой и левой руками, в которой не может быть победителя. В проигрыше останется прежде всего сам человек. Торжество либерального гуманизма приводит к тому, что в результате безудержной политкорректности и ничем не сдерживаемой идеологии «прав меньшинств», как мы видим сегодня на Западе, отбрасываются и отвергаются традиционные и неизменные устои человечности: семья и брак, отношения мужчины и женщины, религиозное отношение к смерти. Человечество превращается в единую глобализованную массу: засилье масс-медиа и манипуляция сознанием достигают высших пределов и так далее.

Между тем эти печальные и тревожные события — тоже плод долгой исторической эволюции. Причем семена их были заложены сразу с появлением гуманизма как отдельной, целостной системы взглядов и течения общественной мысли — в эпоху Возрождения.

В эпоху Возрождения были заложены идейные основы современного понимания свободы, которая больше не хочет знать ни о каких нормах, приходящих свыше, от Бога.

Смешение языков. Гюстав Доре. 1865

Важный тезис:

Главный соблазн начала гуманизма в эпоху Возрождения состоял в том, что человек и его дела, его история стали мыслиться отдельно от Бога, на автономной основе.

Впервые гуманисты появляются в Италии где-то к середине XIV века, в эпоху Ренессанса. Между прочим, ренессансный гуманизм был сначала не совсем тем гуманизмом, как мы его традиционно понимаем теперь. Первые гуманисты были скорее идейными гуманитариями, то есть учеными, которые поставили себе целью исследования человека такого, каков он есть. Центральное место в этих исследованиях занимало изучение античности, античной литературы, философии и культуры. Собственно, поэтому Возрождение и прозвали Возрождением, то есть возрождением античности.

Возрожденческие гуманисты переводили и публиковали многочисленные произведения древних авторов. По контрасту со Средневековьем они мыслили античность как время, когда человек свободно отдавался изучению себя и своих земных дел и жил более насыщенной и подлинной жизнью. Как писал один итальянский поэт, переводчик и гуманист того времени, «нет ничего более пригодного и подобающего для приобретения добродетелей и благонравия, чем усердное чтение ученых античных писателей».

Тут, кстати интересно отметить, что сама античность вовсе не была такой уж гуманной и человечной эпохой, совсем напротив. Чего стоил один институт рабства! Все богатство античной культуры и блеск ее истории были оплачены рабским трудом многих миллионов людей, так и сгинувших в безвестности.

Так что гуманизм возрожденцев стал возможен все же только после критиковавшегося ими Средневековья, периода господства христиан-

ства и церковного мировоззрения. В его свете любая человеческая личность как образ и подобие Божие впервые становилась бесконечно значимой вне зависимости от своего социального положения.

Тем не менее свои занятия ренессансные гуманисты называли studia humanitatis, позаимствовав термин humanitas (человечность) у знаменитого древнеримского оратора, политика и философа Цицерона. Эти гуманитарные штудии у гуманистов противопоставлялось «схоластическому» изучению «божественного» (studia divina). Первым ренессансным философом является знаменитый Франческо Петрарка (1304–1374), более известный как великий поэт. Именно он основал гуманистическое направление в ренессансной философии. В одном из своих трактатов Петрарка иронически говорит, что он ничего не знает, что он полный невежда в философии. После этого нарочитого сократовского самоумаления он делает вывод: о Божественных делах пусть рассуждают небожители, а люди, как существа земные, должны рассуждать о земных, человеческих делах. Человек не может познать Бога, и поэтому должен изучать только сам себя, говорит Петрарка.

Хотя возрожденческие гуманисты и культивировали критицизм и светскость, внимание к земным человеческим нуждам и интересам в отрыве от «дел небесных», они вовсе не были и не считали себя противниками Церкви и христианства. Тем не менее Возрождение — это эпоха настоящей очарованности человеком. Тогда просвещенным людям казалось, что весь мир предстал преображенным, в новом свете — облагороженным и гуманным, приспособленным и предназначенным для счастливой жизни человека здесь, на Земле. Однако, как это часто бывает, в слишком большой очарованности чем-либо или кем-либо скрываются сильные соблазны. Пожалуй, главный соблазн той эпохи и состоял в том, что человек и его дела, его история стали мыслиться отдельно от Бога, на автономной основе. По сути здесь уже была заложена вся дальнейшая история Нового и Новейшего времени с его дальнейшей секуляризацией, битвами идеологий и попытками учредить различные варианты религии человекобожества.

Важный тезис:

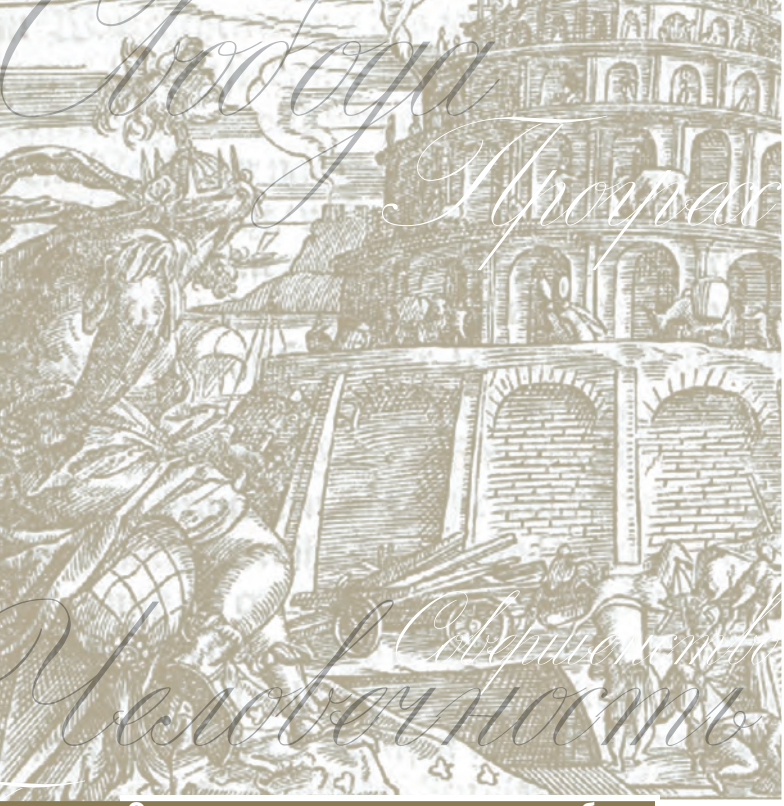
Причина трагических метаморфоз светского гуманизма в том, что он оторвался от своей основы. Ведь он — «блудный сын» христианства.

Именно в эпоху Возрождения были заложены идейные основы современного понимания свободы, которая больше не хочет знать ни о каких нормах, приходящих свыше, от Бога. Вот что, например, в программной «Речи о достоинстве человека» говорил итальянский гуманист XV века Пико делла Мирандола: «Тогда согласился Бог с тем, что человек — творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого Я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные”. О, высшая щедрость Бога-Отца! О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!»

В этих словах явственно проглядывает не только признание богоподобной свободы человека, но и претензия на абсолютное могущество, раз человек волен сделать себя таким, каким пожелает, и быть тем, кем хочет. Отсюда уже совсем недалеко до тех выводов и идей, к которым пришла западная философия в лице немецких философов Фейербаха, Маркса и Ницше. Путь их идей — это путь от Богочеловека к сверхчеловеку, человекобогу.

Атеистический гуманизм, который развил до поры скрытые потенции, возникшие еще в эпоху ➥

реклама



Вавилонская башня. *Theodosius Rihel. 1574-1578*

Отвлеченная и декларируемая любовь к человечеству сопровождается неумением любить или даже ненавистью по отношению к конкретному ближнему.

Возрождения, увидел в человеке самом по себе (или, как говорили эти философы-атеисты, в его родовой сущности — обществе, что в данном случае не принципиально) высшую ценность мироздания, венец творения. В каком-то смысле это не противоречит христианству за тем «маленьким» исключением, что здесь радикально и ожесточенно отрицают самого Творца и ставят на Его место человека, человекобога. Как говорит Людвиг Фейербах, «поворот в истории произойдет тогда, когда человек осознает, что единственным Богом для человека является сам человек: Homo homini Deus» (то есть «человек человеку Бог» — *лат.*).

В XIX веке многим казалось, что человек вот-вот наконец-то возьмет свою судьбу в свои руки, и тогда наступит расцвет и царство подлинного гуманизма. Однако уже в это время антихристианин Ницше объявляет войну «человеческому, слишком человеческому» и пророчит пришествие сверхчеловека, который будет руководствоваться лишь волей к власти. Все ближе и ближе становился век XX, век господства идеологий с их битвами за господство над человечеством и многими миллионами жертв, а Ницше словно проговорил заранее тайну этого века: человек, освобожденный от религии и Бога, будет биться за власть над Землей, которая и станет его главной целью.

Еще одно неожиданное следствие светского гуманизма состоит в том, что отвлеченная и декларируемая любовь к человечеству сопровождается неумением любить или даже ненавистью по отношению к конкретному ближнему. Этот парадокс отметил Достоевский в «Братьях Карамазовых». Старец Зосима, беседуя о деятельной любви, передает слова одного своего знакомого:

«Я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк, и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще».

Причина как этой, так и других трагических метаморфоз светского гуманизма состоит в том, что он оторвался от своей основы. Ведь он — блудное дитя христианства. И в нем на самом деле много правды. Раз «человек создан по образу и подобию Божиему», то действительно, каждый человек достоин любви и уважения, подлинно гуманного отношения.

Тем не менее если высшие ценности гуманизм пытается черпать из самого человека, то он забывает или отрицает факт и его радикальной испорченности, непреодолимой вне Церкви склонности к греху. Тем самым в гуманизме узаконивается, в него вносится эта радикальная испорченность, которая и порождает его антигуманные метаморфозы. Все может стать идолом, даже Правда, даже Справедливость, даже Сострадание (например, Робеспьера Пушкин метко назвал «сентиментальным тигром»), если отрицается их единственный абсолютный источник — Бог.

При этом очень трудно затолкать обратно зубную пасту, выдавленную из тюбика. Гуманизм, изначально исходивший из высокой любви к человеку, превратился в потакание любым человеческим желаниям и благо человека начал видеть во все большем и большем комфорте. Современный человек настолько «раскрепостился», что как религиозные, так и гуманистические ценности, в которых еще сохранялся отсвет первых, все более и более уходят из его жизни под натиском идеологии потребления и практической выгоды. Последняя пропитала всю современную жизнь, люди чаще всего следуют ей уже неосознанно, просто потому что она впиталась в их плоть и кровь. Как говорил о законах действия любой идеологии Карл Маркс (и в этом к нему стоит прислушаться), главный ее признак состоит именно в ее неосознанности, функционировании именно на практическом уровне: *люди не знают, а делают это.*

Смерть гуманизма как идеологии закономерна, но ничего хорошего от нее в историческом плане человек, скорее всего, не получит. Дальнейшее выхолащивание и вытеснение собственно человеческого гаджетами и деньгами, коммерцией и техникой будет, судя по всему, только нарастать и усиливать свое воздействие, в том числе и на нас, христиан. Как ему не поддаться, устоять перед угрозой прогресса, понимаемого как рост комфорта любой ценой, и внутренними соблазнами, в условиях все большей дехристианизации и расчеловечивания (которое будет идти, напротив, под маской гуманизма, враг ведь очень коварен!) — вот о чем сегодня стоит думать в первую очередь. Ф.